

Прихоперье издавна славится как песенный край. Здесь побывало немало фольклорных экспедиций. Летом 1950 года одну из них, организованную Московской консерваторией имени П. И. Чайковского, довелось возглавить мне. Экспедиция эта была более чем скромна. Кроме меня, в ней должны были участвовать двое студентов пятого курса. Они прибыли ко мне на квартиру.

Лежнев — в больших роговых очках, держался важно и степенно, старался нарочито, видимо для большей солидности, говорить баском. Девушка отрекомендовалась просто — Саня Пахмутова, выглядела значительно моложе своих двадцати с небольшим лет.

ПЕСЕННЫЙ РОДНИК

ТУТ ЖЕ, не теряя напрасно времени, мы на завтра решили начать запись мелодий. На другой день я познакомил Пахмутову с Пелагеей Венедиктовной Горшковой — большим знатоком старинных казачьих песен и мастерницей их исполнять. Память ее хранила не менее сотни свадебных, лирических, плясовых, шуточных и хороводных песен. По ее словам, когда муж ее, Василий Горшков, был на действительной военной службе в Москве, она с двумя подругами ездила к нему. Там прогостили более месяца и вместе с казаками пели в полковом хоре. И так угодили полковому командиру, что тот одарил их шелковыми полушалками.

Пахмутова как-то сразу подружилась с Пелагеей Венедиктовной. С раннего утра до вечера исполнительница песен пасла у Хопра на выгоне гусей. Усядутся они с Пахмутовой у самой реки под раскидистым тенистым кустом, гуси, расхаживая, пощипывают траву, а Пелагея Венедиктовна неторопливо рассказывает, как, будучи девушкой, водила с подругами хороводы. Тут же П. В. Горшкова поет песни, Пахмутова же записывает и текст, и мелодии.

Старушка так привязалась к ней, что как-то, встретившись со мной, сказала:

— Мне Саня стала вместо родной дочери. С нею и пого-

ворю по душам, и досыта напоюсь.

В соседнем со станицей хуторе Форштатском Пахмутова сумела подружиться со старым казаком — участником первой мировой войны Яковом Васильевичем Куницыным. От него она записала исторические и лихие военные походные казачьи песни. Работа шла у нее успешно.

В Доме культуры станицы часто выступал хор стариков. С его участниками договорилась Пахмутова о записи песен. Старики собрались, но возникло непредвиденное затруднение. Один из них — Ксенофонт Андреевич Земцов, разводя руками, с сожалением сказал:

— Должно, у нас ничего не выйдет. Баянист наш куда-то отлучился, без него же, без музыки, не можем петь.

Александра Николаевна на минуту задумалась, потом спросила:

— А баян найдется?

— Как же, как же! — ответили ей наперебой. — В Доме культуры их два.

Принесли баян. Пахмутова взяла его, пробежала по ладам тоненькими пальчиками и попросила:

— Пройдите по куплету каждой песни!

Послушала и уверенно заиграла. Легко, свободно. Под ее аккомпанемент старики исполнили все свои песни, потом повторили их. Пахмуто-

ва записала и слова, и мелодии. Когда же закончила и участники хора стали расходиться, Ксенофонт Андреевич подошел к Александре Николаевне:

— Талант у вас, талант!

Всем нам запомнился поход за песнями на хутор Садковский. Заранее условились мы с Александрой Григорьевной Моторьгиной, что она пригласит к себе лучших исполнительниц казачьих песен — своих подруг Прасковью и Евдокию и их мать Пелагею Петровну Караваеву. От станицы до хутора Садковского расстояние невелико, всего два с половиной километра. И мы его прошли за каких-нибудь полчаса, причем еще задержались в небольшом леску у мелководного озера.

— Какая прелесть, — говорила Александра Николаевна. — Тишина. Озеро недвижно. Деревья тоже. Но прислушайтесь!

Я и Лежнев напрягли слух. Сначала мы оба не различали ни одного звука, потом уловили еле-еле слышимый лепет листьев осин.

— Слышите?

— Да, — ответили мы.

— Летний погожий день и нежная музыка леса, лепет листьев, когда от ветра не дрогнет и не шелхнется ни одна ветка.

— Рапсодия, — громко сказал Лежнев.

— Нет, не подходит, — возразила ему Пахмутова. —

Скорее это задумчивая лирическая песня нашего русского леса.

У Моторьгиной Александры Григорьевны женщины были уже все в сборе. Ждали нас. Пахмутова и Лежнев, не успев даже как следует оглядеться, тут же приступили к записи. Самое сильное впечатление на них произвела песня «Кукушечка». Ее чинно, степенно и как-то по-особому задумчиво исполнили женщины.

Ты скажи, моя кукушечка,
Сколько жить мне на веку.

Запевала одна из женщин, потом подхватывали другие. Общий фон мелодии этой песни, словно серебряной нитью, расширял подголосок. Почему-то вспомнились тогда тихие перелески Прихоперья, стремительно уходящие вверх тополя на крутом обрыве у реки, пойменные в цвету разнотравья луга, ласковый солнечный день и нежно-голубое с легкими облаками небо. Из окна горницы, где пели женщины, виден был палисадник, в котором цвели ярко-оранжевые подсолнечники.

В станицу мы возвращались уже вечером. На небеске загорались первые яркие звезды, Александра Николаевна, задумчиво глядя на них, сказала:

— Да, народ — величайшая сила. Он — источник искусства и вдохновения.

Прошли годы. Александра Николаевна Пахмутова — известный теперь композитор. Но в памяти старых казаков и казачек станицы Михайловской и соседних с нею хуторов она осталась, как тогда, совсем юной студенткой консерватории — простой, приветливой. Слушая ее песни по радио, они всегда говорят с теплотой и чуть заметной улыбкой.

— Ведь это наша Саня!..

Б. ЛАЩИЛИН.

6 ИЮНЬ 1981
"ВОЛГОГРАД НАШ СРАБАД"
Г. ВОЛГОГРАД